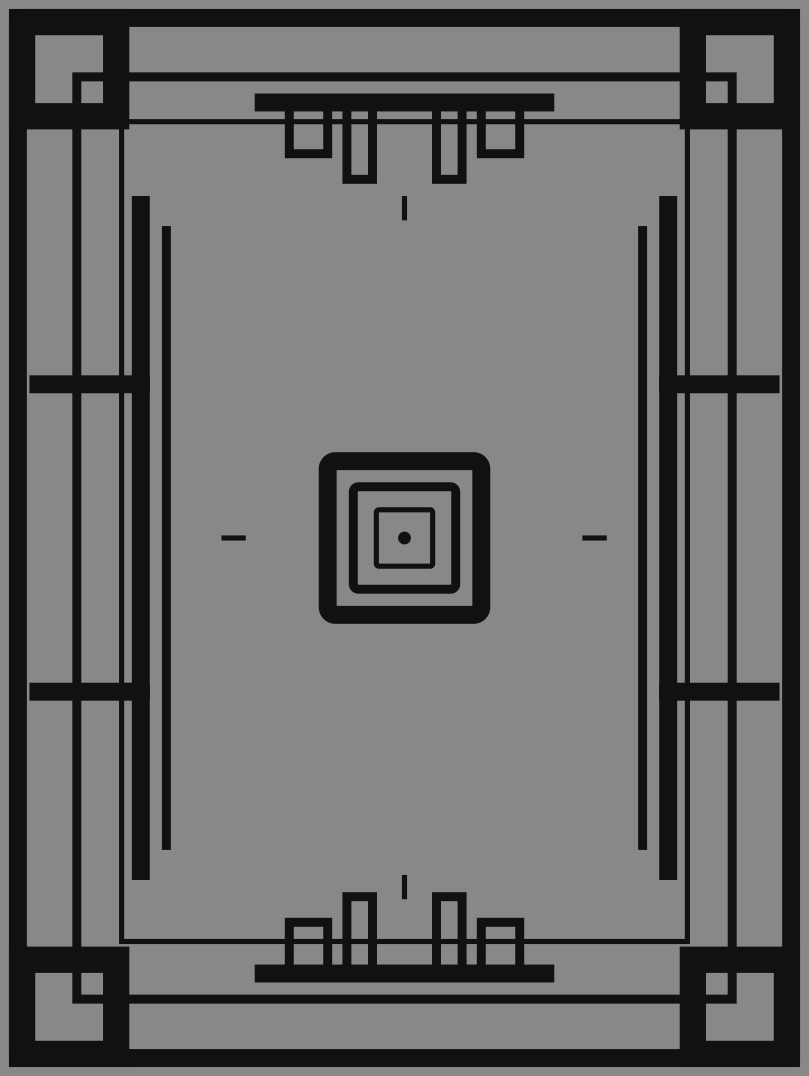

Повторение
Станислав Лем

Станислав Лем. Повторение

Станислав Лем
Повторение

Кресслин наклонился над столом.

— Это она? — спросил он, глядя на моментальные снимки.

— Да. — Генерал машинально подтянул брюки. — Севинна Моррибонд. Ты ее узнал?

— Нет, тогда ей было десять лет.

— Она не сообщит тебе никаких технических подробностей. Ты должен только узнать, есть у них Хронда или нет. И находится ли Хронда в оперативной готовности.

— А вы уверены, что она это знает?

— Да. Он не болтун, но от нее секретов не держит. Он на все готов, чтобы ее удержать. Почти тридцать лет разницы.

— Она его любит?

— Не думаю. Скорее, он ей импонирует. Ты из тех же мест, что и она. Это хорошо. Воспоминания детства. Но не слишком нажимай. Я рекомендовал бы сдержанность, мужское обаяние. Ты это умеешь.

Кресслин молчал, его сосредоточенное лицо напоминало хирурга во время операции.

— Заброска сегодня?

— Сейчас. Каждый час дорог.

— А у нас есть оперативная Хронда?

Генерал нетерпеливо крякнул.

— Этого я тебе сказать не могу, и ты хорошо это знаешь. Пока существует равновесие, они не знают, есть ли Хронда у нас, а мы — есть ли у них. Если тебя поймают...

— Выпустят мне кишки, чтобы дознаться?

— Сам понимаешь.

Кресслин выпрямился, словно уже выучил на память лицо женщины на фотографиях.

— Я готов.

— Помни о стакане.

Кресслин не ответил. Он не слышал слов генерала. Из-под металлических абажуров на зеленое сукно стола лился свет электрических ламп. Двери распахнулись, вбежал адъютант с бумажной лентой в руке.

— Генерал, концентрация вокруг Хасси и Депинга. Перекрыли все дороги.

— Сейчас. Кресслин, все ясно?

— Да.

— Желаю успеха...

Лифт остановился. Дерн отошел в сторону и снова стал на место. К запаху мокрых листьев примешивался дразнящий и почти приятный запах азотистых соединений. «Прогревают первую ступень», — подумал Кресслин. Карманные фонарики выхватывали из мрака ячейки маски-

ровочной сети.

— Анаколуф?

— Авокадо.

— Прошу за мной.

Он шел в потемках за коренастым бритоголовым офицером. Черная тень вертолета открылась во мраке, как пасть.

— Долго лететь?

— Семь минут.

Ночной жук взвился, спланировал, гудя, винт еще вращался, а Кресслин уже стоял на земле, невидимая трава стегала его по ногам, взметаемая механическим ветром.

— К ракете!

— Есть к ракете. Но я ничего не вижу.

— Я поведу вас за руку. (Женский голос.) Вот тут смокинг, прошу переодеться. Потом наденете эту оболочку.

— На ноги тоже?

— Да. Носки и лакированные туфли в футляре.

— Прыгать буду босиком?

— Нет, в этих чулках. Смотаете их вместе с парашютом. Запомнили?

— Да.

Он отпустил маленькую женскую руку. Переодевался в темноте. Золотой квадрат... Портсигар?

Нет, зажигалка. Блеснула полоска света.

— Кресслин?

— Я.

— Готовы?

— Готов.

— В ракету, за мной!

— Есть в ракету.

Резкий луч освещал серебристую алюминиевую лестницу. Ее верх тонул во мраке — словно он должен идти к звездам пешком. Открылся люк. Он лег навзничь. Блестящий пластиковый кокон шелестел, прилипал к одежде, к рукам.

— 30, 29, 28, 27, 26, 25, 24, 23, 22, 21, 20. Внимание, 20 до нуля, 16, 15, 14, 13, 12, 11, внимание, через 7 секунд старт, четыре, три, два, один, ноль.

Он ожидал грохота, но тот, который вознес его, показался ему слабым. Зеркальный пластик расправлялся на нем, как живой. Вот дьявол, рот затягивает! С трудом он отпихнул назойливую пленку, перевел дух.

— Внимание, пассажир, сорок пять секунд до вершины баллистической. Начинать отсчет?

— Нет, начните с десяти.

Хорошо. Внимание, пассажир, апогей баллистический. Четыре слоя облаков, цирростатус и циррокумулюс. Под последним видимость шесть-

сот. на красный включаю эжектор. Парашют?

— Спасибо, все в порядке.

— Внимание, пассажир, вторая ветвь баллистической, первый слой облаков. Температура минус 44, на земле плюс 18. До выброски пятнадцать. Наклонение к цели ноль на сто, боковое отклонение в норме, ветер норд-норд-вест, шесть метров в секунду, видимость хорошая. Желаю успеха. Выброс!

— До свидания, — произнес он, чувствуя нелепость этих слов, сказанных человеку, которого он никогда не видел и не увидит.

Он выпал во мрак, его выстрелило в твердый от скорости воздух. Свистело в ушах, он закувыркался, и тут же его с легким треском подхватило и потянуло вверх, словно кто-то выловил его из мрака невидимым сачком. Он поднял взгляд. Купол парашюта был невидим. Чистая работа!

Что-то засветлело под ногами. Черт, только бы не озерко! Один шанс на тысячу, но кто знает?

Он коснулся ногами волнующейся поверхности. Это была пшеница. Он нырнул в нее, его накрыла чаша парашюта. Согнувшись, он отстегнул ранец, начал сворачивать странный волокнистый материал, похожий на паутину. Он все скручивал и скручивал его, на это ушло много

времени, пожалуй, около получаса. Но в хронограмму он уложился. Туфли надеть сейчас или позже? Лучше обуться сразу, пластик отражает свет. Он начал рвать на себе тонкую оболочку, будто сам себя распаковывал. Вот и сверток. Лаковые туфли, платок, ножик...

Где же стакан? Сердце заколотилось у него, как только он нащупал склянку. Он ничего не видел, тучи покрывали все небо, но когда он потряс стакан, послышалось бульканье. Внутри был вермут. Он не стал отдирать герметизирующую пленку. Положил обратно в карман, затолкал свернутый парашют в ранец, впихнул туда же толстые чулки, изодранный кокон.

Отыскал рычажок, дернул, словно открывал банку с пивом, бросил футляр на измятое место и стал ждать. Ничего. Немного дыма; ни пламени, ни искр, ни углей. Осечка? Пошарил рукой и чуть не вскрикнул — там уже не было туго набитого ранца. Кучка теплых остатков, как будто прогоревший бумажный пепел. Чистая работа!

Кресслин одернул на себе смокинг, поправил бабочку и вышел на дорогу. Он шел по обочине, быстро, но не слишком, чтобы не вспотеть. Вот дерево. Липа? Пожалуй, еще не она. Ясень, да? Ничего не видно. Часовенка должна быть за

четвертым деревом. А вот придорожный камень. Совпадает. Из ночи выдвинулась побеленная стена капеллы. Он ощупью отыскал двери, они легко отворились. Не слишком ли легко? А если окна не затемнены?

Он поставил на каменный пол зажигалку, щелкнул. Чистый белый свет наполнил замкнутое пространство, блеснула поблекшая позолота алтаря, окно, заклеенное снаружи чем-то черным. Он пристально вгляделся в свое отражение в этом окне, повернулся, проверяя плечи, рукава, отвороты смокинга — не пристал ли клочок пластиковой пленки. Поправил платочек, приподнялся на носках, как актер перед выступлением, чтобы успокоить дыхание, почувствовал слабый запах погасших свечей. Он потушил зажигалку, вышел во мрак, осторожно шагая по каменным ступеням, и осмотрелся. Кругом было пусто. Края туч светлели, но месяц не мог пробиться сквозь них. Было почти совсем темно. Ровно шагая по асфальту, он кончиком языка коснулся коронки зуба мудрости.

Интересно, что там такое? Уж конечно не Хронда. Но и не яд. За какое-то мгновение он успел рассмотреть то, что «дантист» клал пинцетом в золотую чашечку коронки, прежде чем залить

ее цементом. Комочек меньше горошины, будто слепленный из детского цветного сахара. Передатчик? Но микрофона у него не было. Ничего не было... Почему они не дали яду? Наверное, незачем.

В отдалении, за деревьями, показался дом, ярко освещенный, шумный. На втором этаже горели настоящие свечи, в канделябрах с зеркальцами. Теперь он принялся считать столбы ограды, у одиннадцатого замедлил шаг, остановился в тени, падающей от дерева, и коснулся пальцами проволочной сетки. Она, пружиня, подалась; он слегка наступил на ее нижнюю часть, которая не была сцеплена с верхней, перешагнул и оказался в саду. Перебегая от тени к тени, он очутился у высохшего фонтана. Тут он вынул из кармана стакан, ногтем подрезал пленку, сорвал ее, смял, сунул в рот и запил маленьким глотком вермута. Теперь, держа стакан в руке и больше не скрываясь, он двинулся по дорожке прямо к дому, без спешки — гость возвращается с короткой прогулки... Кресслин поднес к носу платок и переложил стакан из руки в руку, когда проходил между тенями тех, кто стоял по обе стороны двери. Лиц он не видел и чувствовал только невнимательные взгляды.

Свет был почти голубым на первой лестнице, тепло-желтым на второй; музыка играла вальс. «Гладко, — подумал он. — Не слишком ли гладко?»

В зале было тесно. Он не сразу ее заметил; ее окружали мужчины с орденскими ленточками в петлицах. Их разделяли два шага, как вдруг на другом конце зала раздался грохот. Споткнулся какой-то лакей в ливрее, да так неловко, что поднос, уставленный бокалами, вылетел у него из рук. Что за тюлень! Окружавшие Севинну как по команде повернули головы в ту сторону. Один только Кресслин продолжал смотреть на нее. Этот взгляд, едва уловимый, озадачил ее.

— Вы меня не узнаете?

Она сказала «нет», чтобы оттолкнуть, отбросить его. Он спокойно улыбнулся:

— А карего пони помните? С белой правой бабкой? И мальчика, который испугал его мячом?

— Так это вы?

Им не понадобилось знакомиться, они знали друг друга с детства. Он танцевал с ней только один раз. Потом держался в отдалении. Уже после часа ночи они вместе вышли в парк. Вышли через дверь, о которой знала только она. Прогуливаясь с ней по аллеям, он тут и там замечал людей в те-

ни деревьев. Сколько же их! Где они были, когда он перелезал через сетку? Странно.

Севинна смотрела на него. Ее лицо белело в свете луны, которая после полуночи все-таки прорвалась сквозь облака, как и ожидалось.

— Я бы вас не узнала. И все же вы мне кого-то напоминаете. Но не того мальчика. Кого-то другого. Взрослого.

— Вашего мужа, — ответил он спокойно. — Когда ему было двадцать шесть лет. Вы же видели снимки.

Она растерянно заморгала.

— Да. Но откуда вы знаете?

Он улыбнулся.

— По обязанности. Пресса. Временно — военный корреспондент. Но с гражданским прошлым.

Она не обратила внимания на его слова.

— Вы из тех же мест, что и я. Удивительно.

— Почему?

— Как-то... Это тревожит меня. Не знаю, как это выразить, но я почти боюсь.

— Меня?

Его изумление было искренним.

— Нет, что вы. Но это как бы прикосновение судьбы. Ваша похожесть, и то, что мы знали друг друга еще детьми.

— Что же здесь такого?

— Я не могу вам объяснить. Это всего лишь аллюзия, намек. Будто что-то произойдет этой ночью.

— Вы суеверны?

— Вернемся. Здесь холодно.

— Никогда не надо убегать.

— О чем вы?

— Не следует бежать от судьбы. Это невозможно.

— Откуда вам знать?

— Где теперь ваш пони?

— А ваш мяч?

— Там, где и мы когда-нибудь будем. Все вещи растворяются во времени. На свете нет лучшего растворителя.

— Вы говорите так, как будто мы старики.

— Время убийственно для старых. И непонятно для всех.

— А если бы... Нет, ничего.

— Вы хотели что-то сказать?

— Вам показалось.

— Нет, не показалось, и я знаю, что вы имели в виду.

— Что же?

— Одно слово.

— Какое?

— Хронда.

Она вздрогнула. Это был страх.

— Не бойтесь, прошу вас. Мы оба — лишь двое посторонних, которые знают это, — понятно, кроме вашего мужа и команды доктора Соуви.

— Что вы знаете?

— То же, что и вы.

— Не может быть. Это тайна.

— Я не говорил этого слова никому, кроме вас. Я знал, что вам оно известно.

— Как вы могли узнать? Вы понимаете, чем рискуете?

— Я не рискую ничем, потому что мои сведения столь же легальны, как ваши. С той разницей, что я знаю, от кого вы их получили, а вы не знаете, откуда получил их я.

— Разница не в вашу пользу. Так откуда вы узнали?

— А сказать вам, откуда узнали вы?

— Вы ничего не знаете! — она вся дрожала.

— Я не могу вам сказать. Не имею права.

— Но вы уже сказали...

— Не больше того, что сказал вам ваш муж.

— Откуда вы знаете, что это он?

— Никто из правительства, кроме премьера,

не знает. Премьера зовут Моррибонд. Просто, не так ли?

— Но каким образом? Подслушивание?

— Не думаю. Не было нужды. Просто он должен был вам сказать.

— Не думаете ли вы, что я...

— Нет. Он сказал именно потому, что вы бы никогда не потребовали. Он хотел вам дать что-то, что имело для него высшую ценность.

— Значит не подслушивание, а психология?

— Да.

— Который час?

— Без двух минут два.

— Не знаю, что станет со всем этим. — Она смотрела в окружающий мрак. Тени ветвей, плоские и четкие, дрожали на посыпанной гравием дорожке. Казалось, что тени неподвижны, а дрожит земля. — Мы здесь уже скандально долго, — сказала она. — Вы не догадываетесь, почему?

— Начинаю догадываться.

— Тайна, которая... Которая сделает это, уже не тайна за минуту до... часа ноль. Может быть, мы перестанем существовать. Вы это тоже знаете?

— Знаю. Но не этой же ночью!

— Именно этой.

— Однако еще недавно...

— Да, были кое-какие сложности. Но теперь их нет.

Она почти касалась его груди. Говорила, не видя:

— Он будет молодым. Он в этом уверен.

— Ну да, конечно.

— Не говорите ничего, прошу вас. Я не верю, не могу верить, хотя и знаю... Это словно не взаправду, так не бывает. Но теперь уже все равно. Никто не может этого отменить, никто. Или я увижу его молодым, таким, как вы сейчас, или... Реммер говорил, что возможно скольжение, я опять стану ребенком. Вы последний человек, с которым я говорю перед этим.

Ее трясло. Он обнял ее. Как бы не осознавая, что говорит, пробормотал:

— Сколько времени осталось?

— Минуты... В два часа пять минут... — шепнула она.

Он склонился над ее лицом и одновременно изо всех сил надавил на металлический зуб. Ощутил в голове легкий щелчок и провалился в небытие.

Генерал машинально подтянул брюки.

— Хронда — это темпоральная бомба. Ее взрыв вызывает местную депрессию во времени. Образно говоря, как обычная бомба делает в грунте

воронку, то есть пространственную депрессию, так Хронда углубляется в настоящее и утягивает, спихивает все окружающее в прошлое. Размер сдвига, так называемый ретроинтервал, зависит от мощности заряда. Теория хронодепрессии сложна, и я не в состоянии вам ее изложить. Однако принцип уловить легко. Течение времени зависит от всемирного тяготения. Не от местных полей тяготения, а от вселенской гравитации. Даже не от самой гравитации, а от ее изменения. Гравитация во Вселенной уменьшается, это как бы другая сторона течения времени. Если бы гравитация не изменялась, время остановилось бы. Его не было бы вовсе. Где находится ветер, когда он не дует?

Генерал продолжал:

— Так объясняется и появление космоса. Он не был создан, но существовал вне времени, пока гравитация была неизменной. Но с тех пор как она начала уменьшаться, космос расширяется, Звезды вращаются, атомы вибрируют, а время идет. Связь гравитонов с хрономами и использована при создании Хронды. Пока мы не умеем манипулировать временем иначе как импульсами. Это, собственно, не взрыв, а резкое западение, причем самый глубокий сдвиг в прошлое про-

исходит в точке ноль. Кресслин нажал на зуб в 1 час 59 минут, и через двадцать секунд сработали все наши оперативные Хронды стратегического назначения. Западение было кумулятивным. Поэтому зона, пораженная хронодепрессией, имеет форму почти правильного круга. В пункте ноль депрессия составляет, вероятно, от 26 до 27 лет, эта величина постепенно снижается к периферии. На пораженной территории у неприятеля были лаборатории, заводы, склады и хронополигоны, построенные лет десять назад. Сейчас там нет ничего, что могло бы представлять для нас угрозу.

— Генерал!

— Слушаю, господин министр.

— На каком основании вы утверждаете, что благодаря Кресслину мы упредили хрональный удар неприятеля?

— Приказ гласил: если до удара остается больше 24 часов, зуба не трогать. Если удастся узнать какие-нибудь подробности операции, касающиеся ее сроков, мощности зарядов, количества Хронд, он должен сообщить об этом через особое звено нашей разведки. Если бы враг собирался атаковать нас в течении суток, а Кресслин не смог вступить в контакт со связным, он должен

был привести в действие автоматический передатчик, закопанный в лесу под Хасси. И только в случае, если не оставалось времени добраться до передатчика, а нападение должно было произойти в самое ближайшее время, ему разрешалось нажать на зуб. Подчеркиваю, Кресслин не знал механизма западения, он ничего не знал о наших Хрондах, не знал даже, что у него в зубе. Мой ответ удовлетворил вас?

— Нет. Вы возложили на плечи одного человека слишком большую ответственность. Как мог ваш агент решать судьбы мира?

— Позвольте разъяснить. До заброски Кресслина мы располагали информацией. Очевидная цель неприятеля — наш хрональный центр. Обе стороны не знали, насколько продвинулись работы у противника, но расположение нашего комплекса «С» было им известно, так же как и нам — дислокация их хроноцентра. Скрыть такие огромные комплексы невозможно.

— Но вы не ответили на мой вопрос.

— Как раз приступаю. Если провести концентрические круги постепенно убывающего поражения вокруг нашего комплекса «С», то Хасси находится в зоне сдвига на десять, а Лейло на двадцать лет. Вчера утром мы получили

сообщение, что Моррибонд выезжает на инспекцию войск, расположенных на нашей границе. В восемь вечера пришло сообщение, что вопреки первоначальному намерению остановиться в гарнизоне Аретон, он задержался в Лейло.

— Постойте, господин генерал! Не хотите ли вы сказать, что Моррибонд намеревался омолодиться, используя хрональный удар, который они хотели нам нанести?

— Именно так. Моррибонду шестьдесят лет, его жене двадцать девять. Минус двадцать лет у него и минус десять у нее — сорокалетней мужчина и девушка девятнадцати лет. А кроме того, главное и решающее обстоятельство — он страдал миастенией в тяжелой форме. Врачи давали ему два, ну, три года жизни.

— Это абсолютно точно?

— Практически да. К тому же у него своеобразное чувство юмора. Операция шла под кодовым названием «Балкон».

— Не понимаю.

— Ну как же — Ромео и Джульетта, сцена на балконе. И при этом должен был погибнуть весь наш хрональный потенциал.

— Но получилось наоборот?

— Именно. Потому что, по их плану, местом за-

падения должен быть комплекс «С», и он выслал жену в Хасси, а сам поехал в Лейло, расположенный рядом с нашей границей. На совете в генштабе мы определили ситуацию как критическую и выслали Кресслина немедленно. Около полуночи он приземлился под Хасси. Поскольку мы ударили первыми, изохроны депрессии имели порядок спада, обратный тому, который планировал неприятель. Ведь это мы попали в их хрональный комплекс.

— Ну и что? Моррибонд помолодел меньше, чем хотел, а его жена больше. Какое это имеет стратегическое значение?

— Имеет, господин помощник государственного секретаря, и политическое — тоже, потому что в неприятельском правительстве сменится премьер-министр. Западение, вызвавшее депрессию, на самой границе своего действия создаст небольшое концентрическое вспучивание времени. Это похоже на действие обычной бомбы: центр воронки заглубляется, вокруг нее образуется кратерный вал. Хронда сбивает настоящее вспять, а на границе западения время передвигается вперед. Лейло как раз в этом районе, и время подвинулось там лет на десять вперед.

— И Моррибонду теперь семьдесят? Великолеп-

но! — захихикал кто-то.

— Учитывая то, что я говорил о болезни, Морибонда уже нет в живых. Еще вопросы?

— Мне хотелось бы знать, как выглядит прошлое после западения Хронды. Физики утверждают, что прошлое в точности не воспроизводится.

— Это верно. Западение не приводит к идеальному сдвигу календаря, не возрождает того конкретного состояния, которое существовало в тот день, час и минуту. Каждый материальный объект становится моложе — вот и все. Прошлое как совокупность событий, которые уже произошли, не возвращается и не повторяется. О том, абсолютен ли этот запрет, наши эксперты предпочитают умалчивать. Хорошей моделью может служить ситуация на футбольном поле, когда один игрок сделает пас, а другой вернет ему мяч. Возвращаясь, мяч не упадет строго на то же место. Этот пример уместен и потому, что мяч нужно ударить, его не передвигают микрометрическими винтами. Так и западение — это резкое, не поддающееся мелочному учету вмешательство в течение времени.

— Но вы же сами говорили, что шестидесятилетний становится сорокалетним!

— Это совсем другое. Его организм станет мо-

ложе только физиологически. То же произойдет с любым предметом. Дерево, скажем, превратится в саженец. Но если, к примеру, взять скелет, который сто лет пролежал в земле, и изъять из него несколько костей, то после западения перед нами будет скелет, который пролежал только восемьдесят лет, но изъятые кости назад не вернутся. Если кто-то недавно потерял ногу, то после западения и в четверть века он ее назад не получит. Так что Хронда не осложнена парадоксами, которые связаны с путешествиями во времени...

— А машины? Книги? Здания? Чертежи?

— Здание, возведенное сто лет назад, изменится незначительно. Однако постройка из бетона, который затвердел восемь лет назад, окажется грудой песка, цемента и гравия, ведь бетон становится самим собою лишь после того, как он образовался из смеси ингредиентов. Это касается любых объектов.

— Уверены ли вы, что противник уже не располагает потенциалом для контрудара?

— Стопроцентной уверенности нет. Пессимистическая оценка — мы уничтожили 80 процентов их потенциала, оптимистическая — 98 процентов.

— Нельзя ли использовать Хронды для ка-

ких-нибудь других целей, кроме уничтожения неприятельских Хронд?

— Можно, господин председатель, но уничтожение Хронд противника, а так же их производственной базы — абсолютно первоочередная задача. Сохранив наш потенциал неприкосновенным, мы получили полное стратегическое и тактическое превосходство. Разумеется, господа, вы понимаете, что я ничего не могу сказать вам о том, как мы намереваемся использовать это преимущество. Вопросов нет? Благодарю за внимание. Что за шум? Почему включили громкоговорители?

— Внимание, внимание! Тревога первой степени. Локаторами замечен сход с орбит спутников врага в количестве четырех единиц. Антиракеты первой линии перехвачены противником. Один спутник сбит прямым попаданием. Действия локаторов затруднены ионным облаком, выброшенным симулирующей головкой уничтоженного спутника. Внимание, внимание! Наземные индикаторы будут сообщать о вероятных целях, намеченных противником. Цель номер один: комплекс «С», предельное отклонение от двух до пяти миль от точки ноль. Цель номер два: главный штаб, предельное отклоне-

ние две-три мили от точки ноль.

— Оставшиеся двадцать процентов летят нам на голову! — завопил кто-то. Сидевшие за столом вскочили. Где-то поблизости жалобно завыла сирена.

— Господа, прошу оставаться на местах! — надрывался генерал. Западение не представляет угрозы для жизни. Кроме того, нет способов укрытия или изоляции. Сохраняйте спокойствие!

— Внимание, внимание! Второй спутник уничтожен в ионосфере ракетным залпом. Два оставшихся спутника вошли в мертвую зону противоорбитальной обороны. Изменяют траекторию с семидесятикратной перегрузкой. Внимание! Оба вражеских спутника на оси целей номер один и номер два. Входят в зону непосредственного поражения. Внимание! Объявляю тревогу наивысшего угрожаемого положения. Семь секунд до нуля. Шесть. Пять. Четыре. Три. Два. Внимание! Но...

Изображение погасло и воцарилось молчание.